

Korostenski, Jiří

[Мокиенко, В.М.; Никитина, Т.Г. Словарь русской брани. Матизмы, общенизмы, эвфемизмы]

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 2005, vol. 54, iss. A53, pp. 238-239

ISBN 80-210-3705-9

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101754>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

В словарь вошли, по словам автора, главным образом, освоенные, устоявшиеся, т. е. узусные коннотативные собственные имена интер- и интралингвального типов и лишь незначительное количество окказиональных коннотонимов – с целью показать их отличие от первых.

Словнику предшествуют «Принятые сокращения и графические знаки» (с. 15–18), вслед за тем включен раздел, в котором дается список языковедческой литературы, относящейся к данной проблематике, и источников, служивших для выборки материала («Литература и источники», с. 19–27). В конце книги помещено содержание («Оглавление», с. 404–410); в нем дается, между прочим, также алфавитный список собственных имен, имеющих в словаре.

Настоящий словарь является оригинальным своего рода произведением. Составлен был видным лингвистом Украины. На практике он может послужить ученым-филологам, аспирантам, студентам гуманитарных факультетов и всем интересующимся и пользующимся русским языком в повседневном общении.

Алеш Бранднер

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г.: *Словарь русской брани. Матизмы, обцензизмы, эвфемизмы.* Санкт-Петербург «Норинт» 2003, 448 с.

Содержит 4400 слов и 4000 устойчивых сочетаний, список сокращений и литературы. В довольно объемной предисловии изложена история темы в литературе, методы составления словаря, причем составители подробно задумываются не только над семантикой помещенных в словарь лексических единиц, а также над более широкими аспектами применения ругательств в разных эпохах и сферах общественной жизни и о роли лингвистических исследований в данной области.

Впервые за много десятилетий авторы изданного в России словаря брани подходят к теме «по-научному» и перед нами предстает сложная и «многоэтажная картина» современной русской бранной лексики. Таким образом членимость лексического материала удивительно возрастает. В понятие «бранных слов» входят в словаре собственно вульгаризмы как *блядь*, *хуй* вместе с их эвфемистическими вариантами типа *бляха*, *блин*, *бабье счастье*, *балда* и даже уменьшительно-ласкательные формы детской речи *пипыська*, *пипочка*, *пирожок*, *пукалка* и многие другие.

Если более подробно рассмотреть построение словарной статьи, перед нами предстанет серьезная попытка по возможности полно описать русскую бранную лексику и фразеологию, зафиксированную литературными и нелитературными источниками или «записанную самими авторами или их информантами.» Поэтому применен дифференцированный подход к материалу, что дает возможность представить русскую бранную лексику как многослойную и достаточно разнородную, но одновременно целостно функционирующую систему.

Итак словарная статья словаря, в отличие от «поп-изданий» с подобными названиями (Dlouhá, O.: *Rusko-český odborný slovník policejné právní terminologie a kriminálního slangu, Police history, Praha 2000*), снабжена емкой информацией грамматического, лексического и стилистического характера. Заголовочные слова располагаются в алфавитном порядке и в случае наличия фонетических вариантов последние рассматриваются в рамках данной статьи. Также не пропускаются омонимичные формы, хотя некоторые из них с трудом безоговорочно включить в рамки декларированной названием словаря лексики. Напр. русское слово *хер*, обозначая «мужской половой орган», имеет вульгарно-просторечную окраску по отношению к омонимичному заимствованию из немецкого языка слову *хер* с шутивным обращением к мужчине.

Если заголовочное слово принадлежит к изменяемым частям речи, поставлено в исходной форме и у существительных указан род и склонение в форме родительного падежа. Нерегулярные формы и их употребление в словаре достаточно отмечены, напр. неизменяемые и за-

стывшие формы носят соответствующую форму неизм., причем преимущественное употребление во множественном числе зафиксировано в исходной форме как *ананасы*, мн. Жарг. Шутл. ‚Мужские яички‘. Когда вокабульное слово явно не соотносится с бранной лексикой и участвует в качестве составного элемента такого выражения, грамматический аппарат при нем не приводится.

Глаголы имеют только видовую характеристику, хотя следовало бы в данном случае подумать о других грамматических пометах, именно в случае застывших, а также ограниченных в своем употреблении форм или глаголов неличного характера, частотность которых в словаре относительно высока. Напр. у таких глаголов как *едрить*, *елозить*, *ести*, *ети*, *ечмить* и др. была бы дополнительная грамматическая информация об употреблении форм спряжения более чем уместна.

Существенное место в словаре занимает самое толкование лексем вместе с информацией о стилистических характеристиках, историко-этимологических справках и фразеологических сочетаниях. Очень ценным является контекстная иллюстрация толкования, снабженная временными данными и указанием источника происхождения. Хотя историко-этимологические справки и информации о происхождении слов не являются специальной задачей предлагаемого словаря, тем не менее более последовательное указание данных из других славянских и европейских языков бы существенно сдвинуло наши знания в этой области и способствовало бы созданию более системной и комплексной картины знаний. Напр. заголовочное слово *пионерка* включается в контекст словоупотребления «*Заду пионерка, спереди пионерка*» и сопоставляется только с польским «*Z tyłu liceum, z przodu museum*». Но такое же соответствие встречается и в чешском «*Ze zadu lyceum, zepředu muzeum*» и несомненно и в других европейских языках.

Как ни странно, основа русской бранной лексики в своем центре достаточно стабильна, хотя и в ней появляются инновации, иногда связанные с реалиями далеко не всегда распространенными как *Пик коммунизма* – ‚мужской половой орган‘ или *разъебай* – *каудильо* – ‚никчемный человек‘.

Можно заключить, что словарь является не только ценным источником для практических целей перевода, а также представляет собой важный научный материал для всех русистов и филологов. Во многом меняет даже некоторые до сих пор распространенные мифы об исключительности русского мата. Авторы приходят к выводу, что он достаточно прочно связан с остальными системами европейских языков.

Йиржи Коростенски

Никитина, Т. Г.: Словарь молодежного сленга 1980 – 2000 гг., Санкт-Петербург «Норинт» 2003, 704 с.

Предлагаемый читателю словарь предназначен для лингвистов, социологов, психологов, переводчиков, а также широкого круга читателей, интересующихся языком и правильностью своей речи. В словаре приводится подробное описание сленговых слов и устойчивых выражений, включающее толкование, грамматические и экспрессивные характеристики, указание на сферу функционирования, примеры употребления в речи, отражающие лексикон вместе с кругом интересов различных групп молодежи.

Предисловие, список сокращений, структура словаря и довольно обширный список источников дают знать о том, что составитель досконально овладел своей темой и работает над ней многими годами и может быть десятками лет. Это конечно вытекает из повторяющихся изданий, причем последнее третье автор значительно дополнил и расширил его материалом 1998–2000 годов.

Словарные единицы расположены в алфавитном порядке и заголовочное слово выделяется полужирным шрифтом. Многие из них входят в устойчивые словосочетания, что графически отмечено двумя звездочками. Толкование значения производится стандартным лексикогра-